

Книга Иова
Сессия 4: Жанр, структура и природа мудрости
Джон Уолтон

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это занятие 4, «Жанр и структура» и «Природа мудрости».

Введение [00:24-00:57]

Что ж, пришло время нам поговорить о жанре Книги Иова и ее структуре. Итак, вот о чем мы должны подумать: реальна ли эта книга? Некоторые люди ответили бы на этот вопрос, спросив: это история или вымысел? Я думаю, что это ложная дихотомия. Это единственные два варианта на столе.

Важность жанра [00:57-4:16]

Итак, мы должны думать о том, что книга делает и как она это делает. Теперь это вопрос жанра, но мы должны понимать, что жанр — сложная штука. Жанр помогает нам научиться читать книгу. Знаете, если бы мы читали детектив, мы бы читали его иначе, чем если бы мы читали биографию. Если мы читаем редакционную статью, это отличается от чтения комикса. Мы читаем вещи по-другому, когда понимаем их жанр.

Но какой жанр делает или идентификация жанра помещает литературное произведение в сообщество подобной литературы. Он определяет похожие вещи и тем самым дает нам стратегии чтения, основанные на группе в целом. Это означает, что для того, чтобы идентификация жанра была значимой, у нас должны быть другие элементы в наборе, иначе это действительно не поможет нам читать. Вот где мы сталкиваемся с некоторыми проблемами с Джобом. С одной стороны, мы можем достаточно легко идентифицировать ее как литературу мудрости. Это широкая категория, но мы знаем, что существует много разных жанров литературы мудрости. Пословица, пословица - жанр мудрой литературы. Это сильно отличается от диалога; может быть мудрый диалог. Итак, говоря, что это мудрость,

литература дает нам широкую категорию и дает нам некоторое чувство ожидания, но на самом деле она не дает нам стратегии как таковой.

И здесь мы сталкиваемся с проблемой с Книгой Иова. Ничего подобного. Нет сообщества литературы, кроме широкого круга мудрости. Это правда, я имею в виду, что у нас есть литературные произведения, представляющие собой диалоги, и в Иове есть диалоги. У нас есть произведения, которые представляют собой гимны мудрости, а у Иова есть гимн мудрости. У нас есть литература, представляющая собой дискурс, и у Иова есть несколько дискурсов. Итак, в нем есть кусочки жанров, которые мы знаем из других произведений.

Но если вы посмотрите на Книгу Иова в целом, ничего подобного нет. Есть и другие книги, посвященные невинным страданиям в древнем мире, но они совсем не похожи на Иова. Итак, в результате у нас есть множество жанров в книге. У нас есть ряд подобных сценариев в древнем ближневосточном мире, но на самом деле у нас нет ничего похожего на Книгу Иова, а это означает, что мы немного предоставлены сами себе за пределами тех общих категорий, которые мы можем иметь дело с.

Работа как мысленный эксперимент [4:16-5:57]

Это мудрая литература, и она может помочь нам ответить на множество вопросов о стратегии чтения. Одна из форм литературы мудрости, которую я хотел бы предложить, — это форма мысленного эксперимента. В мысленном эксперименте вы предлагаете сценарий. Это сценарий, который тщательно разработан, чтобы иметь все функции, необходимые для изучения проблемы. Опять же, мы находим, что Иисус делает это в притчах. Притчи — это не рассказ, не повествование о реальных событиях. Это события, которые в каком-то смысле могли бы быть реальными, а в другом — нет. Детали собраны особым образом, чтобы помочь нам обдумать проблему. Итак, притча — это одна из форм мысленного эксперимента.

Я не верю, что Иов — это притча, но я думаю, что это еще одна форма мысленного эксперимента. В мысленном эксперименте это своего рода сценарий «что, если». А если бы у нас была такая ситуация? Дело не в том, чтобы утверждать, что события мысленного эксперимента действительно произошли, а в том, что они черпают свою философскую силу из реалистической природы воображаемого приема.

Толкая крайности [5:57-7:28]

Подумайте об этом, и это действительно может случиться, но это более экстремально. В Книге Иова все предельно. Мы заметим, что все настолько растянуто до предела, насколько это возможно. Именно эти крайности заставляют книгу работать. Если бы Иов был менее праведным, большую часть времени он был довольно хорошим человеком, тогда книга не работала бы, потому что вы могли бы сказать: «О, он сделал что-то не так», и в этом могла бы быть проблема. Были менее драматичны, если бы это происходило постепенно или действительно не было таким полным, всесторонним, мы могли бы сказать: «Ну, он немного страдает. Все немного страдают». И, вы знаете, мы могли бы объяснить это, возможно. Немного несправедливого поведения и немного страданий, и ну, это мир, с которым мы часто сталкиваемся. Но нет, нет, в Книга Иова, все доведено до крайней крайности. Так что на столе не осталось простых ответов, видите, в этом и есть стратегия. Уберите все легкие ответы, и вам останется иметь дело с философской идеей, точкой мудрости.

Иов как литературный конструкт [7:28-11:21]

Вопрос о том, реальны ли события, тогда неуместен. Они почти собраны вместе, чтобы быть сюрреалистичными, но достаточно реальными, но более, более экстремальными, чем мы могли себе представить. Теперь давайте немного обдумаем это. Если это мысленный эксперимент, то, по крайней мере, некоторые части книги, мы должны были бы просто назвать это литературной конструкцией, а не реальным событием, литературной конструкцией.

Теперь есть некоторые части книги, которые, по общему мнению, являются литературными конструкциями. Речи друзей, люди так не говорят, просто экспромтом. Люди не просто так разговаривают на этом возвышенном языке. Даже некоторые из наших лучших риторов так не говорят. И более того, даже если бы они были, даже если бы вы могли сказать, ну, в древнем мире они были, и это были очень умные ребята, и так далее, и тому подобное, нет никакой стенографистки. В древнем мире не было стенографисток, чтобы сесть и все это записать. Речи друзей — литературный конструкт. Все признали это.

Но вы видите, что это делает? Как только мы идентифицируем какую-то часть книги как литературный конструкт, мы должны задать вопрос, насколько далеко это заходит? Что из этого является литературной конструкцией, а что может быть просто записью событий? Где вы проводите линию? И как только вы признали, что некоторые части книги являются литературной конструкцией, не имеет значения, где вы проводите линию, потому что литературная конструкция подходит для мысленного эксперимента.

Теперь я действительно верю, что Иов был реальным человеком в реальном прошлом, что он стал хорошо известен в древнем мире как действительно хороший человек, с которым случились действительно отчаянные события. Я склонен думать, что он действительно такой человек. Но я думаю, что эта история о нем — мысленный эксперимент с использованием этого известного человека для исследования концепции мудрости. Итак, я беру основную форму повествования. Нет, я не должен говорить, что основное содержание и повествование, означающее жизнь Иова, праведные страдания человека, являются своего рода историческим якорем в реальном прошлом. Но я думаю, что большая часть остальной части книги — это мысленный эксперимент, литературная конструкция. Опять же, использование крайностей и философские вопросы, которые выносятся на обсуждение, должны подчеркнуть суть.

Слова Бога в мысленном эксперименте [11:21-12:53]

Теперь, может быть, вы боретесь с этой идеей. Продолжайте думать об этом. Может быть, это не так, но, возможно, мой следующий шаг будет еще труднее проглотить. Итак, подумайте вместе со мной, если книга, по большей части, является мысленным экспериментом, литературной конструкцией, верно ли это и в отношении речей Бога? Является ли это также вдохновенным автором, вкладывающим слова в уста Божьи для решения рассматриваемой проблемы? И что там говорится о начальной сцене на небесах? Это тоже литературная конструкция? Это тоже рассчитано на создание экстремальной ситуации? Возможно, важно думать об этом таким образом. Я предлагаю вам хотя бы подумать об этом в этих терминах. Помните, истина книги заключается в ее мудром учении, то есть в том, что утверждается. Правдивость книги не требует ничего на уровне историчности. Это книга мудрости. А если это мысленный эксперимент. Он окрашен в крайности.

Преимущества восприятия Иова как мысленного эксперимента [12:53-14:40]

Вот в чем преимущество того, чтобы думать даже о сцене на небесах как о части мысленного эксперимента с литературной конструкцией. Это поможет нам избежать серьезной проблемы, связанной с тем, что Бог действительно действует именно так. Если это мысленный эксперимент, он просто говорит, что, если бы открылась такая сцена на небесах? Что, если в такой форме состоялся разговор? Все это для того, чтобы создать сценарий для Иова. Вы видите, как это позволяет избежать некоторых вещей, с которыми читатели часто сталкиваются в книге? Это не намерено передать картину Бога, заключающего пари с дьяволом; для некоторых людей было настоящей проблемой думать, что Бог будет действовать таким образом. Некоторые люди смотрят в книгу, смотрят на свою жизнь и говорят: «Может быть, Бог и сатана беседуют обо мне. Может быть, мой опыт связан с каким-то божественным пари». Это не то, что мы должны получить от этой книги. Это не вариант на столе. Это не то, что делает эта книга. Очевидно, что это сложные вопросы, и нам сложно их обдумать. Но подумайте об этом.

Книга не о Небесных Обсуждениях [14:40-15:47]

Учение книги не привязано к реальности событий. Преподавание книги строится по литературному сценарию, который изложен. И если это мысленный эксперимент, то в изложении этого сценария было много творчества. Просто попробуйте. Просто попробуйте, чтобы не было простых ответов, и было место для обсуждения того, как мы должны думать о мире и что Бог делает или не делает. Я не имею в виду, что он делает или не делает на сеансе на небесах, но что мы думаем о Боге и его ответственности за страдания или о том, что он не несет ответственности за страдания? Как мы думаем о роли Бога в событиях, с которыми мы сталкиваемся в мире? Дело не в том, что происходит в небесных дискуссиях.

Риторическая стратегия: структура и гимн мудрости [15:47-20:20]

Итак, имея в виду такую идею мысленного эксперимента, мы хотим поговорить о том, как книга реализует свое учение. Это то, что мы называем риторической стратегией. Это говорит о том, как книга изложена литературно. Структуру книги довольно легко определить. Обладает сэндвич-эффектом. У нас есть прозаический пролог со сценой на небесах и переживаниями Иова. У нас есть прозаический эпилог, где Бог восстанавливает Иова. Итак, это две подставки для книг.

В самой середине книги у нас есть гимн мудрости. Многие люди задавались вопросом об этом гимне мудрости. При случайном прочтении легко можно подумать, что это говорит Иов. Иов говорит в главе 27. Глава 28 является гимном мудрости. И в главе 29 Иов говорит. Он не представляет нового говорящего в 28. И поэтому некоторые люди предположили, что это просто Иов говорит прямо. Но есть проблема. Раздел, который заканчивается на 27, является диалоговым разделом книги. Раздел, который начинается в 29, является разделом дискурса книги. Этот гимн мудрости прямо между ними. Фактически он обеспечивает переход от раздела диалога к разделу дискурса. Что мы находим, независимо от

того, смотрим ли мы в раздел диалога или в раздел рассуждений, так это то, что нигде Иов не имеет той точки зрения, которая представлена в главе 28. В гимне мудрости есть позиция, точка зрения и понимание, которые Иов не имеет как человек ни до, ни после. Следовательно, это действительно неуместно в устах Иова.

Альтернатива, которую принимают многие люди, и я с ней согласен, состоит в том, что в гимне мудрости в главе 28 рассказчик возвращается в игру. Тот, кто дал нам эпилог, простите, пролог и эпилог, кто поставил сцену и довел ее до конца, вернулся в середину. И он возвращается после того, как мы закончили диалог между Иовом и его друзьями.

Это часть диалога, которая начинается в главе 3 и продолжается до главы 27. Иов и его друзья как бы попеременно разговаривают друг с другом, и все это заканчивается, речи становятся короче. А в последнем Зофару даже нечего сказать. Он высказал свое мнение. Он закончил. Бильдад очень короткий. Они как-то выдыхаются в диалогах. Помните, что этот диалог должен происходить среди самых мудрых людей, известных в древнем мире, и вы доходите до конца, и гимн мудрости в очень сложной и красноречивой форме, по сути, говорит: «Это все, что вы Получил? Это все? Вы думаете, что это мудрость? Вы даже не поцарапали поверхность ».

И затем книга, в этом гимне мудрости, отвлекает наше внимание от того, что выглядит как дискуссия о справедливости. И он говорит: «Нет, вы упускаете это. Вы упускаете это полностью. Это о мудрости». Итак, гимн мудрости, я считаю, играет очень важную роль в середине книги, так как он переводит нас от диалога к дискурсу, так как он показывает, что на самом деле раздел диалога ничего не дал, поскольку он возвращает рассказчика в некое подобие переместите нас к следующей части. И это помогает нам увидеть, в чем проблема на самом деле. Мы вернемся к этому позже.

Диалоги и дискурсы [20:20-23:30]

Итак, у нас есть пролог и эпилог. У нас есть гимн мудрости в середине, а затем основные разделы - это диалог и дискурс. Диалог на первом месте. Здесь мы находим Иова и его друзей, обсуждающих проблемы. Итак, у нас есть Елифаз, Виллад и Софар, каждый из которых произносит речи, а Иов отвечает на них. Это раздел диалогов. Он начинается с плача Иова в третьей главе, продолжается речью Елифаза в четвертой главе и продолжается до 27 главы, затем до гимна мудрости и затем до бесед.

Дискурсы отличаются от диалогов, потому что они не взаимозаменяемы. Итак, здесь выступают только три персонажа. Иов произносит свои речи с 29 по 31, Елиуй произносит свои речи с 32 по 37, а затем Яхве произносит речи, и это заполняет раздел дискурса.

Итак, у нас есть диалоги и дискурсы, которые содержат много сырого содержания книги. А потом эпилог подводит все к концу. Я считаю, что эта структура помогает нам понять риторическую стратегию. То есть структура помогает нам проработать то, как строится кейс. Я не вижу, чтобы какая-либо часть книги могла быть легко опущена, но при этом оставалась последовательной и достигала поставленных целей. Да, они очень разные в литературном плане. У вас есть повествование; у вас есть диалог; у вас есть дискурс; у вас есть гимн. Они очень разные, но все они работают вместе, и вы не можете пропустить ни одного из них и все же иметь что-то, что несет в себе связный посыл.

Итак, пока мы работаем над книгой, мы собираемся выстроить риторическую стратегию. Мы будем искать вклад, который вносит каждая часть книги, потому что мы верим, что каждая часть действительно вносит свой вклад. Мы относимся к книге как к единому целому, а не к чему-то, что было сшито вместе, как лоскутное одеяло или разными руками. Вот почему я говорил ранее об идее, что это может быть одна из тех частей, которые объединяются в книгу. Если это литературная конструкция, если она сконструирована, сочинена, мысленный эксперимент с

мудрым посланием, и если все части являются его частью, то она на самом деле могла быть составлена как книга. Впрочем, барды древнего мира были талантливый, и они могли соединить это и в виде устного произведения. Придется многому научиться, многое запомнить, но это сделали барды древнего мира. Часть гомеровской литературы сама по себе довольно длинная, и она передавалась устно. Так что трудно сказать, и, в конце концов, это не имеет значения.

Риторическая стратегия и авторский замысел [23:30-26:17]

У нас есть книга, как она есть. У него идентифицируемая, очень легко идентифицируемая структура. И это придает ему риторическую стратегию. Итак, исходя из этого, мы попытаемся понять послание книги.

Риторическая стратегия говорит нам, что делает автор. Риторическая стратегия – это авторская стратегия. Опять же, я использую автора; это своего рода ярлык для коммуникатора, устного или письменного. Именно риторическая стратегия помогает нам увидеть замысел автора. И именно это намерение имеет власть. Помните, что это власть Бога, но Бог наделил этой властью человека-коммуникатора. И если мы собираемся получить авторитетное послание от Бога, мы должны получить его через коммуникатора-человека. Итак, мы всегда ищем то, что мы называем авторским замыслом. Чего они добиваются?

Я считаю, что частью замысла автора является мысленный эксперимент.

Некоторые могут отличаться, и это нормально. Это будет иметь значение. Это повлияет на то, как мы думаем о разных частях книги. Но, в конце концов, это то, к чему мы стремимся. Помните, верные толкователи преследуют послание книги, которое было передано нам Богом через человека-коммуникатора, человеческий инструмент.

Библия была написана для нас, но не для нас. Итак, мы должны попытаться различить, к чему клонил этот человек-коммуникатор. Вот где мы найдем власть. У нас нет свободы заниматься фрилансом, придумывать что-то свое. У нас нет свободы сказать: «О, я думаю, книга действительно хочет, чтобы я так думал».

Если вы не можете получить это из самой книги, вы не получаете этого от Бога. И тогда что хорошего он делает?

Итак, обращаем внимание на жанр со всеми предложенными нами проблемами.

Мы обращаем внимание на риторическую стратегию, на все это, пытаюсь помочь нам лучше понять, что мы можем сказать о том, что должна сказать вдохновенная книга, что автор намеревался, как Бог общался через них.

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это занятие 4, «Жанр и структура» и «Природа мудрости». [26:17]